

Ю. М. Найдич

«БЫЛО ЭТО ТАК...»

Юрий Михайлович Найдич (р. 1931) — выпускник ЛГХУ 1950 года (педагог В. И. Пономарев). Артист балета Театра оперы и балета им. С. М. Кирова (1950–1972). Педагог классического танца Академии Русского балета имени А. Я. Вагановой.

Имеет медаль «За оборону Ленинграда».

Ю. М. Найдич, М. А. Померанцева. 2014.
Фото В. Васильев

Блокадные страницы Ленинграда никогда не исчезнут из нашей памяти...

Моя семья была небольшой. Отец — выходец из Пинской губернии, приехал в Ленинград одиннадцати лет. Великолепно зная польский язык, он по-русски говорил весьма неважно. Работал в переплетной мастерской, всю жизнь занимался картонажным делом. Мать — из староверческой семьи, из деревни с необычным названием «Дядя Лева» (101 км, ст. Бабино). Был у меня старший брат, работавший пожарником. А во время Блокады неожиданно появилась сестра: родители удочерили дочку моей погибшей няни.

До войны я занимался во Дворце пионеров, в студии художественного движения. Жили на Невском проспекте, в доме № 136 (ранее в нашей квартире находилась типография). Помню также двор, в котором ежедневно играли 60–70 детей разного возраста и воспитания.

Война разрушила всю привычную жизнь ленинградцев. 22 июня 1941 года мы с семьей отправились на дачу в Мельничный Ручей. Мне было 10 лет. До возвращения в город о войне мы знали только понаслышке. В Ленинград же вернулись в начале августа. Поразила пустыньность улиц, отсутствие людей. Всеми силами мать старалась запастись продуктами: помогал опыт послереволюционного голода.

Через некоторое время в квартире отключили свет, но брат оказался рационализатором и подключил автомобильную лампочку. В доме было печное отопление, и нам приходилось добывать дрова. Становилось горько и грустно, когда вынуждены были сжигать книги. Единственная книга, которая уцелела — «Красное и черное» Стендаля, прочитанная мной в 11 лет.

В течение зимы 1941 года школы были закрыты. Учиться во второй класс я пошел весной 1942 года в школу № 176 (угол Греческого переулка и 2-й советской

Ю. Найдич, Н. Ухова (Смирнова).

Балет «Раймонда».

Фото из архива АРБ имени А. Я. Вагановой

в 10-м детском доме на Стремянной улице. Один-два раза в неделю давали концерты в госпиталях и войсковых частях. Наши выступления проходили также в Саду отдыха и в Филармонии. Я был солистом, вместе с Аллой Будановой исполнял белорусский танец «Крыжачок». Меня брали в концерты Ансамбля Политуправления 55-й армии Ленинградского фронта.

Знаменательным событием для меня стало награждение медалью «За оборону Ленинграда» в 1944 году во Дворце пионеров. Я был страшно горд, ощущал частичку своего вклада в нашу победу.

После снятия Блокады в 1944 году хореографом нашего ансамбля стала Нина Васильевна Пельцер — солистка Театра музыкальной комедии. Она ставила для нас партизанские пляски, гопак. От нее я узнал, что из эвакуации возвращается Ленинградское хореографическое училище, и она же рекомендовала мне и еще двум ребятам пойти туда на просмотр. Но на улицу Зодчего Росси меня все же привел другой случай.

Весной мать моего приятеля Игоря Усова дала нам два билета на концерт артистов балета в Филармонию. Мы сидели в первом ряду, и мне очень запомнился Вахтанг Чабукиани в танце погибающей от стрелы вольной птицы (он выступал в костюме Голубой птицы, взятом из «Спящей красавицы»). Вызвала слезы сцена из балета «Утраченные иллюзии» в исполнении Галины Улановой и Константина

улицы). В классе насчитывалось не более 20 человек. Располагались мы на верхних этажах, где было теплее. Однажды на уроке математики учитель задал задачу: отец принес домой семь яблок, два яблока отдал дочке, а два — сыну. Спрашивалось сколько фруктов осталось. Такую простую задачу решить я не мог — сыграл свою роль голод.

Мать работала в швейной мастерской, часто ездила в прифронтовую зону и под обстрелом немецких снайперов собирала горох и картофель. Оставшиеся ценные вещи она обменивала на продукты.

Весной 1942 года на фронт ушел брат. Его тяжело ранили, но демобилизован он был только через семь лет после окончания войны. В настоящее время брат живет в Зеленогорске.

Той же весной 1942 года директор Дворца пионеров Натан Михайлович собрал ребят, занимавшихся в кружках еще до войны. Был организован ансамбль. Мы размещались

Сергеева. Среди исполнителей были Наталья Дудинская и Марина Семенова. Аплодировали мы изо всех сил. Неожиданно на авансцену вышла невысокая женщина и сделала перед нами реверанс. Это оказалась Фея Балабина. Концерт этот и сыграл решающую роль.

В конце августа 1944 года я пришел на улицу Зодчего Росси. Нашел парадный подъезд. Зашел в вестибюль. Пахнуло холодом, сыростью нежилого помещения. Света не было. Ощупью я пробрался на 5 этаж и уперся в чей-то мягкий живот. Меня взяли за плечо и вывели в свет. Моим «проводником» стал художественный руководитель школы Николай Павлович Ивановский. Он спросил меня, зачем я пожаловал.

- Хочу у вас учиться.
- Мать жива?
- Жива.
- Пусть напишет заявление.

На следующий день я его принес. Меня отвели в зал, где началась проверка — поднимали ноги, смотрели физические данные, определяли музыкальность. После приступили к подготовительным занятиям, которые проводила Надежда Викторовна Федорова. В нашу группу входили дети разного возраста — от 9 до 14 лет. Через 5 дней прошел экзамен, и нас распределили по классам. Очень красивая, живая девочка Ольга Заботкина пошла в первый класс. А из старших, в которых числился я, была организована особая группа. Младшие классы занимались четыре раза по 45 минут, два — по 1,5 часа. Мы же — по 1,5 часа каждый день, с 15.00 до 16.30.

Среди замечательных педагогов запомнил Евгению Петровну Вечеслову-Снеткову — мать Татьяны Вечесловой. После первого полугодия кто-то был переведен в 1-й класс, после первого года обучения — в 3-й класс, после полутора лет обучения — в 4-й класс. После Евгении Петровны нас взял Леонид Семенович Петров, но я к нему не смог привыкнуть. А Евгения Петровна была удивительным педагогом, помогала детям в короткий срок освоить программу младших классов. Я сдал экзамен в 4 класс. Он оказался дружным, все из хороших семей — Э. Кокорина, А. Осипенко, Л. Капунов, В. Семенов, Г. Воронин и др.

Прошло почти 60 лет. Я помню своих учителей. Елизавету Петровну Нат — преподавателя русского языка и литературы. Веру Гохштейн — педагога математики. В старших классах — А. В. Пигулевскую, по истории балета — М. Х. Франгопуло, по литературе — К. М. Палея. По специальности после Л. С. Петрова меня учил С. С. Каплан, имевший в ассистентах А. Кумысникова, а в выпускном классе — В. И. Пономарев, выпустивший замечательную плеяду советских танцовщиков: Ермолаева, Чабукиани, Сергеева, Каплана. Я очень благодарен и Н. П. Ивановскому за доброту и внимание. Худрук хотел оставить меня в классе усовершенствования как партнера И. Колпаковой.

Свою творческую карьеру я начал в Мариинском (тогда Кировском) театре, потом пошел в армию, был солистом Ансамбля группы советских войск в Германии. Вернувшись в родной театр, я встретил Марину Андреевну Померанцеву, которая стала моей супругой.

Закончив танцевать, я стал преподавать в родной Школе. Поэтому могу сказать, что служу танцу всю жизнь.